

3. Расширение советской дипломатической деятельности

Тезисы об обострении противоречий капитализма и о постоянной угрозе, исходившей от окружавших СССР «агрессивных и милитаристских» стран, бесспорно, играли важную роль в сталинских планах радикального преобразования страны. Ускорение темпов коллективизации и индустриализации находило оправдание в

необходимости действовать как можно быстрее, пока «господа империалисты не предприняли прямого нападения на Советский Союз». Однако, продолжая нагнетать атмосферу «осажденной крепости» и играть на реально существовавших противоречиях между великими державами с тем, чтобы не допустить создания их единого фронта против СССР, советские руководители прекрасно сознавали (как в 1926 г., когда обсуждался китайский вопрос, так и в 1929 г.), что Советскому Союзу абсолютно необходимо всеми способами избегать любых конфликтов и провокаций, поскольку страна переживала период глубочайших экономических и социальных потрясений и была ими на какое-то время значительно ослаблена. Поэтому одновременно с преимущественным развитием отношений с Германией советская дипломатия направила свои усилия на расширение отношений с другими государствами, надеясь на увеличение торгового обмена с ними, необходимого для выполнения планов экономического строительства и обеспечения безопасности страны.

9 февраля 1929 г. СССР расширил сферу действия пакта Бриана — Келлога о всеобщем отказе от войны, к которому он присоединился несколькими месяцами раньше. Было подписано соглашение, известное как «Протокол Литвинова», с Латвией, Эстонией, Польшей, Румынией, а немного позже с Литвой, Турцией и Персией, предусматривавшее отказ от применения силы в урегулировании территориальных споров между государствами. В октябре 1929 г. были восстановлены отношения с Великобританией, где пост премьер-министра вновь занял Макдональд.

Начиная с 1931 г. советская дипломатическая деятельность стала еще более активной. Внутренние проблемы побуждали Советский Союз уделять больше внимания упрочению своего внешнеполитического положения. В то же время и пережившие

экономический кризис индустриальные страны проявляли все больший интерес к улучшению своих отношений с Советским Союзом, который рассматривался ими как огромный потенциальный рынок. Наконец, рост правого экстремизма и национализма в Германии побуждал страны, подписавшие Версальский мирный договор и заинтересованные в сохранении послевоенного статус-кво, развивать дипломатические отношения с Советским Союзом. Начатые в 1931 г. с рядом стран переговоры шли, однако, с большим трудом. Тем не менее уже в 1932 г. СССР начал пожинать плоды своих дипломатических усилий, подписав серию пактов о ненападении: с Финляндией (21 января), с Латвией (5 февраля), с Эстонией (4 мая).

После долгих колебаний 29 ноября 1932 г. французское правительство во главе с Эррио подписало франко-советское соглашение о ненападении, рассчитывая таким образом нейтрализовать возможные последствия дальнейшего сближения между СССР и Германией. Кроме статьи о ненападении соглашение содержало обязательство в случае нападения на одну из них третьей страны не оказывать никакой помощи агрессору.

Если в Европе советская дипломатия, стремясь обеспечить безопасность СССР, добилась значительных успехов за столом двусторонних переговоров, подписав целый ряд договоров о нейтралитете и ненападении, то на Дальнем Востоке ситуация становилась все более напряженной. Вторжение Японии в Маньчжурию (1931 г.) прямо угрожало советским интересам в этом регионе. В 1931 — 1933 гг. советской дипломатии с большим трудом удалось сохранить отношения с тремя участвовавшими в конфликте сторонами: Японией, Гоминьданом и китайскими коммунистами. В отношениях с Японией советское руководство то прибегало к демонстрации силы, увеличивая находящийся на Дальнем Востоке советский военный контингент под командованием Блюхера, то выступало с инициативами, направленными на примирение (предложение о продаже Китайско-Восточной железной дороги). Одновременно, стремясь не допустить сближения между Японией и Гоминьданом, Советский Союз терпеливо обсуждал возможности восстановления дипломатических отношений с правительством Чан Кайши, который начиная с 1927 г. рассматривался как «самый коварный враг коммунизма». Отношения с Гоминьданом были восстановлены в декабре 1932 г. Чан Кайши пошел на этот шаг, поскольку только Советский Союз смог оказать ему военную помощь в борьбе против японских агрессоров, тогда как великие державы оказались способны лишь на чисто символическое моральное осуждение Японии. В то же время Советский Союз пытался подтолкнуть китайских коммунистов, которые во главе с Мао Цзэдуном провозгласили Китайскую Советскую Рес-

публику, на объявление войны Японии. Поскольку контролируемые коммунистами области находились далеко от оккупированных Японией Маньчжурии и Северного Китая, такой шаг непосредственно не вел к конфликту; однако он обязывал Чан Кай-ши принять вызов и включиться в общенародную борьбу против захватчиков.

Советские дипломатические ухищрения как на Дальнем Востоке, так и в Европе отражали сложность непрерывно обострявшейся международной ситуации, в которой все большую роль играла агрессивная и динамичная политика двух держав — Германии и Японии. Казалось, что в 1933 г. цели, сформулированные советской дипломатией еще в 1919 — 1920 гг., были почти достигнуты. Установленный «навязанным империалистическими разбойниками» Версальским договором европейский порядок беззастенчиво нарушался каждый день с тех пор, как Германия осуществила перевооружение своей армии. Лига Наций, из которой вышли Япония, а затем и Германия, демонстрировала свою полную беспомощность. Невиданной силы экономический кризис сотрясал весь капиталистический мир. Казалось, что рост напряженности в мире вот-вот приведет к возникновению широкомасштабных международных конфликтов.

Однако такое столь долгожданное советским руководством развитие событий на деле оказалось в конечном счете неблагоприятным и даже угрожающим для СССР. Вместо того чтобы способствовать распространению коммунизма, кризис привел к возникновению фашизма. «Обострение межимпериалистических противоречий» не только не усилило «родину социализма», но привело к развитию милитаристской, реваншистской и националистической идеологии в Германии и Японии, превращавшихся в потенциальных противников Советского Союза.

Во второй половине 1933 г. советские руководители вынуждены были отказаться от принятой еще в 1919 — 1920 гг. аксиомы советской внешней политики, в соответствии с которой всякое усиление международной напряженности было только на пользу СССР, а всякий элемент международной политической стабильности (например, рост авторитета Лиги Наций, возрождение европейской экономики) априори имел негативное для Советского Союза значение.